

УЧКУН НАЗАРОВ

АВАРИЯ

*Авторизованный перевод с узбекского
С. Шевелева*

Она видела себя на безлюдном пляже, за полосой песка начинался лес. Петляла среди деревьев, кружила по пляжу — убегала. А он догонял, хотя больше делал вид, что нагнал и вот-вот схватит. Иногда она падала, выбившись из сил, он шутливо набрасывался, но она вырывалась, опять убегала, смеялась, дразнила, увлекала. И он вновь пыкался следом.

Обессиленная от беготни и смеха, она уже еле передвигала ноги, оборачиваясь, наставляла на него палец — как бы отстреливалась и спасалась таким способом от погони, а он смешно падал на песок, лежал, раскинув руки, делая вид, что сражен наповал.

Потом все начиналось сызнова.

И вдруг... Вместо того чтобы засмеяться в ответ на ее выстрел, вместо того чтобы притвориться и картинно упасть — выражение недоумения и боли на лице, страдальчески согнувшаяся фигура... и пятно крови на светлой рубашке, прижатое ладонью. Она закричала от страха — и очнулась, вынырнула из сна.

Какое-то время, не понимая, где находится, смотрела на мелькавшие по сторонам дороги купы деревьев, на саму дорогу, изгибом уходящую вверх, в гору.

Она сидела в машине.

Аббас расположился впереди, рядом с Шавкатом. Смотрел по сторонам, не почувствовал еще, что она проснулась.

«Жигули» лихо неслись по извиляющейся как змея серебристой ленте асфальта, мелькали стайки деревьев, проплывали холмы в праздничной алой накидке из тюльпанов. Впереди темнели вечнозеленые арчовые леса, а дальше и выше величаво открывались белоснежные вершины. Там, где деревья расступались, видны были притягивающие взгляд живописные лужайки — веселее зеленела тра-

ва, искрились под солнцем торопливые ручки. Заросли шиповника, джиды, боярышника — все цвело, все было полно жизни. И над всем этим великолепием, просвеченным шедрым золотым сиянием солнца, нежно голубело небо.

Наконец Шавкат выбрал место — свернул с шоссе на уютную лужайку среди благоухающих кустов шиповника. Заглушил мотор, вышел, огляделся, открыл обе дверцы с противоположной стороны, картинно повел рукой:

— С приездом, друзья! Приглашаю!

Наима и Аббас выбрались на волю.

— Ну как? — Шавкат с довольной улыбкой, словно личные владения, оглядел поляну.— Хорошо?

Аббас кивнул.

— Ах, я бы осталась тут жить навсегда! — мечтательно объявила Наима.

— Одна? — игриво поинтересовался Шавкат.

— ...И каждый бы день,— продолжала Наима,— выходила на дорогу с цветами и дарила их каждому, кто поедет мимо.

— И ничего не попросите взамен? — по тону Шавката ясно было, что у него есть что предложить девушке.

— Продавать цветы — нехорошо,— не приняла его намека Наима.— Это — кощунство.

— Поэтично, но спорно. Вам что же, никогда не приходилось покупать цветов?

— Я сказала — нехорошо продавать. А у покупателя нет иного выхода...— Наима, прикрыв глаза, с довольным видом подставила лицо солнцу, разговор с Шавкатом развлекал ее.

— Да бросьте вы! — вмешался Аббас.— Что вы заладили: продавать, покупать... Об этом и в городе можно поговорить.

— Ты прав! — Шавкат предвкушающе потер руки.— Мы ведь сюда отдохнуть приехали, развлечься. Итак, с чего начнем? — он картинно закатал рукава.— Ты, Аббас, займешься шашлыком — стало быть, разводи огонь. Я обеспечиваю уют и комфорт с помощью шезлонга, коврика, скатерти и пиалушек. Вы, Наима, как единственная среди нас представительница прекрасного пола, украшаете нашу жизнь своим присутствием.

— Нет уж,— возразила Наима,— работать — так поворну.

— Тогда,— охотно согласился Шавкат,— вот вам по-

мидоры и прочие дары земли. Скатерть-самобранка — за вами...

Настроение поднималось.

Через пятнадцать минут приготовления были завершены: чуть в стороне дымил мангал для шашлыка, был поставлен шезлонг для Наимы, вокруг уставленной захваченными из города закусками скатерти постелены были одеяла, на одном из них лежала гитара. Бодро поигрывал транзисторный приемник.

Шавкат откупорил бутылку коньяка, разлил по пиалам.

— Может, не стоит? — все же спросил Аббас. — Ты за рулем. Мне одному не хочется. А Наима... Как ты?

— Безразлично. Как все. Могу выпить, могу и обойтись.

— А, ерунда! — махнул рукой Шавкат. — До вечера из нас все выветрится. Да и где ж еще выпить, как не в таком прекрасном месте! — Он театральным жестом указал на снеговые вершины. — Предлагаю тост. За эти горы, за все таинственное, безмолвное и недостижимое, что так влечет нас!

Поглядел на Аббаса, на Наиму — до конца ли поняли — и выпил.

Аббас, иронически улыбнувшись, чуть отпил, Наима хоть и неумело, глоточками, осушила, однако, свою пиалу.

Шавкат, одобрительно хохотнув, отправил в рот крупную ягоду клубники и довольно потер руки.

— Так-с! Идем дальше. Объявляется конкурс... соревнование, можно сказать, чемпионат поляны! Расходимся в три разные стороны и собираем грибы — кто больше. Победитель получает все — весь улов счастливцу. Срок — ровно полчаса. Как раз угли для шашлыка поспеют.

Наима огляделась с опаской:

— Такие дикие места... Вдруг встретится кто-то... зверь какой-нибудь...

— Все звери — за горами, я эти места давно знаю, — уверенно объявил Шавкат. — Кроме нас, здесь никого, будьте уверены.

— Может, действительно лучше держаться вместе? — засомневался Аббас.

— Исключается, — перебил его Шавкат. — Иначе пропадет острота... Да и недоразумения могут возникнуть — допустим, я первым увидел гриб, а ты ближе оказался — ... хоп! — и подобрал. Рассуди после этого, кто прав.

— Ладно, я согласна! — Наима решительно поднялась с места. Азарт соперничества уже захватил ее, да и выпитое придавало смелости.

— Вот это — по-нашему! Учись, Аббас, как надо себя вести. Учись решительности у женщины! — Шавкат подмигнул приятелю.— Итак, кто куда? За дамой право выбора.

Наима огляделась — выбрала поросший можжевельником склон, наиболее безопасное место, как ей показалось: диких зверей там не видно было, во всяком случае. Взмахнула рукой:

— Я — вот сюда.

— Так... А я — в противоположную сторону.— Аббас решил включиться в игру.— По известной теории... Грибов там должно быть навалом. Скоро увидим, верное ли это правило: выслушать женщину и поступить наоборот.

— Принято! — обрадовался Шавкат.— Только, чур, подавать голос, а то здесь и заблудиться недолго. Хотя за полчаса далеко не уйдешь. Итак — вооружаемся!

Наима подхватила пластиковый пакет, Аббас — сумку из-под продуктов, Шавкат взял из багажника резиновое ведерко. Посмотрел на часы:

— Значит, ровно в половине второго встречаемся здесь. Опоздавшему, даже если собрал полную сумку, засчитывается поражение. Договорились? Внимание! Старт!..

Поздняя осень. Ветер бродил по опустелым улицам, сгребая в кучи пожелтевшие палые листья, снова гнал и кружил их по влажно поблескивающим мостовым.

Аббас стоял на остановке — с непокрытой головой, в коротком, по моде, плаще, с «дипломатом» в руке — ждал троллейбуса. Вскоре тот и подошел, но Аббас не сел, а лишь окинул внимательным взглядом людей на задней площадке — и отвернулся. Дверцы закрылись, троллейбус укатил.

Появился следующий. На задней площадке лицом к окну, спиной к салону стояла девушка — меланхолически обводила тонким пальчиком контуры прилипшего снаружи к стеклу желтого листочка. Скользнула взглядом по тротуару, где ожидал Аббас, и снова занялась рисованием на чуть запотевшем стекле.

Захлопнулись дверцы, троллейбус стал набирать ско-

рость, увлекая за собой вихрь сиротливо жавшихся к тротуару пожухлых листьев.

Аббас стоял на задней площадке, держался за поручень; снял запотевшие очки, протер, снова надел — волновался.

Что-то металлически лязгнуло над головой, троллейбус резко остановился; похоже, штанга соскочила с провода. Девушка невольно обернулась, Аббас поймал ее взгляд, они кивнули друг другу. Отворились дверцы, вышел водитель, стал прилаживать штангу. Девушка глянула на часы, спустилась из троллейбуса на тротуар и медленно двинулась в обратную сторону.

Аббас следовал за ней, поотстав шагов на сто.

Он увидел ее на скамье в сквере. Она сидела одна, на коленях держала маленький томик — похоже, стихи, голову чуть откинула назад, глаза прикрыла — точеную белую шею ласкали теплые еще лучи солнца. Почувствовав его взгляд, посмотрела — и прикрыла колени полой светлого ворсистого пальто, перевернула страничку в книге.

Аббас подошел. Девушка не поднимала головы.

— Разрешите? — Голос его прозвучал робко, неуверенно.

Девушка, словно не узнавая, молча подвинула к себе по скамейке свою черную модную сумочку — не понять было, то ли выразила недоверие, то ли освободила место. Поэтому Аббас спросил еще, садясь:

— Не помешаю?

— Вы это уже сделали. И, наверное, с какой-то определенной целью: что-то ведь заставило вас пренебречь целым рядом пустых скамеек и выбрать именно эту? — девушка взглянула внимательнее, изучающе. — Какие-то созревшие планы, а?

— Планы-то есть, да шансов маловато... — Аббас шутливо-сокрушенно развел руками.

— И планы ваши, надо полагать, родились в забарахлившем троллейбусе девятого маршрута?

— Стыдно признаваться, но дело обстоит именно так.

— Ну что ж, да здравствует ташкентский троллейбус, который дарит своим пассажирам возможность продемонстрировать решимость, остроумие и находчивость... — девушка усмехнулась и снова открыла томик стихов, рассеянно перелестывала — видно, отыскивала нужную страницу.

— Действительно спасибо девятому маршруту за то, что я мог там иногда видеть вас.

— Почему — спасибо? Мы чуть не каждый день встречаемся на задней площадке одного и того же троллейбуса, даже иногда здороваемся кивком. И так — с самого начала занятий в институте, с первого сентября.

— И тем не менее мы даже не знаем имен друг друга.

— Такая загадочность и придает встречам интерес, вы не находите?

— Конечно, но... Не могу же я каждый раз, проводив вас до дома, говорить: «До свидания, прекрасная незнакомка».

— Проводив? — девушка иронически усмехнулась. — Это тоже входит в ваши планы?

— Да, это пункт номер два.

— И много у вас этих... пунктов?

— Да наберется.

— Это уже становится интересным. А самый главный пункт — который? Или секрет?

— Да нет, не секрет. Главный, — Аббас говорил почти серьезно, — как можно скорее признаться, что я от вас без ума!

— Да, вы таки добились своего. Заставили меня усомниться в собственной проницательности, — призналась девушка, отложив томик стихов.

— Не понял?

— Оказывается, вы вовсе не робкого десятка, не такой скромник, каким казались мне все это время. В том, что очевидно сразу, ошибиться бывает трудно, но вот интуиция меня насчет вас подвела. Признаюсь.

— А что не очевидно сразу? — заинтересовался Аббас уже всерьез. — Что вы имеете в виду?

— Ну хотя бы то, что вы преподаватель института. Ведете семинар по химии, так?

— Да.

— Кроме того, вы недавно защитили диссертацию или собираетесь защищаться.

— Тоже верно. А почему это все — очевидное?

— Очень просто — в троллейбусе все эти мальчишки-студенты в джинсах первыми здороваются с вами, даже уступают место.

— М-да... Но — не часто, не часто.

— Вы правы. Но — идем дальше? Не возражаете?

— Конечно, нет. Мне интересно, продолжайте, пожалуйста!

— Несколько раз я слышала, как вы, очевидно с колле-

гами по работе, говорили по дороге о занятиях, о каких-то там алкалоидах.

— Понятно. И что же вы теперь думаете обо мне?

— Думаю, что не все так просто, как кажется на первый взгляд.

— Ага! Значит, вы все же думали обо мне — признаетесь? И признавайтесь до конца — ведь ждали, когда я появлюсь в троллейбусе, а? Ждали каждый день встречи со мной? Сегодня я вас поцелую!

— Мы едва знакомы, а вы уже собираетесь целоваться! — беззлобно возмутилась девушка. — Ну и нахал же вы!

Аббас решительно, так что девушка даже испугалась, поднялся со скамейки и скрылся за кустом. Правда, тут же и объявился — с махровой красной розой в руке.

— Из собственной оранжереи!

Девушка улыбнулась в нерешительности и, помедлив, все же приняла розу. Заметила на пальцах Аббаса капельки крови, испуганно подняла взгляд. Он увидел и:

— Не беспокойтесь. Просто мой садовник куда-то отлучился.

— А денег на штраф у вас хватит?

— Недостанет — займу у вас!

— Ну и нахал! — повторила девушка, но когда Аббас вместо ответа решительно опустился на скамейку рядом с ней, еще раз быстро и изучающе глянула на него, а потом сказала: — Давайте сюда руку, не пожалею для ваших ран своих любимых духов. А то еще умрете от заражения крови. Давайте, давайте, не стесняйтесь!

К месту пикника все трое вернулись одновременно, и все — бегом. У Наимы сумка — видно было — почти пуста, но в руках она держала букет из цветов и зеленых веток. Зато Аббас и Шавкат явно готовились похвастаться добычей.

Шавкат с трудом переводил дыхание, но, показав всем свои часы, бодро выпалил:

— Молодцы... Тютелька в тютельку...

Наима бросила сумку и цветы на одеяло, следом упала сама. Щеки у нее покраснелись от бега.

Аббас, похоже, устал меньше всех. Он явно был доволен собой. Скомандовал:

— Внимание! Начинаем считать добычу. Сколько у тебя, Шавкат?

— Раз! — Шавкат вытащил из своего ведерка гриб. — Два! — вытащил еще. Наима и Аббас с увлечением повторяли за ним. — ...Четырнадцать! Ну, кто больше?

— Неплохо! — похвалил приятеля Аббас и повернулся к Наиме: — А у тебя?

Девушка, не вставая с одеяла, дотянулась до своей сумки и вытряхнула из нее все, что набрала.

— Шесть, — объявил Шавкат.

— И это все? — Аббас смотрел насмешливо-ласково.

— Тебе мало? — воинственно переспросила девушка. — А цветы — не в счет? Да каждый сорванный мной цветок надо оценивать как два ваших несчастных гриба!

— А у тебя-то самого? — вмешался Шавкат. — Может, у тебя меньше всех, а ты хорохоришься! Давай показывай!

Аббас поднял руку:

— Прошу судейскую коллегия занять места. Внимание! — он ловко опрокинул сумку. — Двадцать один! — и картинно поклонился, ожидая аплодисментов.

Несколько секунд над лужайкой трепетала благоговеющая тишина, потом дружное «ура» в честь победителя вспугнуло окрестных птиц.

Победитель отбежал несколько шагов к пеньку, поднялся на него как на пьедестал и застыл там, изображая памятник себе.

— Тост в честь победителя надо пить на коленях у подножия памятника! — возрадовался Шавкат и, приблизившись, вручил сначала пиалушку изваянию в очках, а затем вместе с Наимой, изобразив на лице благоговение, опустил на колени. — Ура великолепному!

На город опускались ранние зимние сумерки. С утра шел снег, и теперь он пластами лежал на крышах домов, белыми шапками украсил ветви деревьев, клумбы.

От зеленовато-мутной поверхности городского канала Анхор поднимался пар, стелился над водой.

И на скамейках образовались маленькие сугробы. На асфальте снег за день подтаял, тонкой ледяной коркой хрустел под ногами. Вдоль канала угрюмо чернели стволы деревьев. Под одним из них стояли Аббас и Наима. Аббас целовал девушку — она не уклонялась, но и не отвечала ему, озябшие руки держала в карманах пальто. Аббас отстранился, посмотрел в ее глаза:

— Тебе... все равно?

— Просто уличная любовь не по мне... — помолчав, ответила Наима. — Как будто напоказ.

— Но даже когда мы оставались одни — тогда, у Шавката... тебе тоже ничего не хотелось.

— Может, я такая...

— Понимаю... Я, конечно, не идеал. Но почему ты тогда встречаешься со мной? Вокруг столько юных красавцев в джинсах — с ними не стыдно появиться на людях.

— Терпеть не могу смазливых идиотов, — оборвала Наима.

— Ты любила кого-то из них? И что, он был очень хорош собой?

— До отвращения.

— И ты до сих пор не можешь его забыть?

— Единственное, чего хочу, — чтобы он мне больше никогда в жизни не попадался на дороге!

Солнце скрылось за пеленой облаков, налетел ветер, посвежело.

— Жарко, жарко! — кричали в один голос Наима и Аббас.

Шавкат с повязкой из платка на глазах нелепо шарил в воздухе вытянутыми руками. Коснулся пальцами дерева в центре поляны, миновал, пошел на голос.

— Я здесь! — крикнул Аббас.

Шавкат бросился — впустую.

— А я ближе! — сказала за его спиной Наима.

Шавкат быстро обернулся, но девушка неслышно, на цыпочках скользнула в сторону.

— Жарко! — снова крикнул Аббас, увидев, что Шавкат идет прямо на дерево.

Шавкат попятился, остановился в нерешительности.

Теперь он не стал бросаться наугад, а постоял, прислушиваясь; уловил шорох — и кинулся туда, широко расставив руки. Наима вскрикнула, завизжала, забилась в его объятиях.

— Поймал, поймал! — подбежавший Аббас освободил девушку и сдернул повязку с глаз приятеля. — Теперь тебе водить, Наима.

Он сам завязал ей глаза платком, и девушка казалась теперь беспомощной и неуклюжей. Робко ступила вперед — и остановилась.

— Лови! — крикнул Шавкат сбоку.

Наима нерешительно повернулась, двинулась на голос.

Шавкат, сделав шаг в сторону, пропустил ее, оказался за спиной и снова подал голос:

— Я здесь!

Наима испуганно вздрогнула, обернулась и стала шарить в воздухе руками.

Шавкат, неслышно приблизившись, раскачивался перед ней будто в танце и дирижировал руками.

— Лови же! — крикнул Аббас. Он теперь сочувствовал Наиме.

Девушка хлопнула перед собой ладонями, но Шавкат быстро успел присесть.

— Ку-ку! — подал голос Аббас.

Наима пошла в его сторону, Аббас не двигался. Приблизившись почти вплотную, Наима остановилась и беспомощно опустила руки. Лицо ее покраснелось, над губой выступили капельки пота.

Аббас старательно, так, чтобы она услышала, вздохнул и присел на корточки.

Наима шагнула вперед — и наткнулась на него, чуть не упала.

— Ура! — кричала она. — Ура, поймала! — и стаскивала с глаз платок, тут же завязывала глаза Аббасу. — Ура! Теперь попробуй, миленький, сам поймать!

Аббас охотно повиновался.

Шавкат улыбался в стороне.

Итак, водить теперь предстояло Аббасу.

— Если не возражаете, — начал он, — расскажу вам одну историю. То ли сказка, то ли быль, или притча, легенда — как хотите. Идет?

— Валяй, — согласился Шавкат прямо возле его уха.

Аббас метнулся на голос, но Шавкат успел отскочить.

— Итак, слушайте, — начал Аббас, двигаясь по поляне и шаря в воздухе руками. — По дороге ехал Тимур со своей свитой. Навстречу — белобородый старик, одежда ветхая, нищенская. Проходя мимо свиты, напевал себе под нос то ли песенку, то ли просто стихи. Кто-то из вельмож остановил его и спросил: «Почему не здороваешься с почтенными людьми, старик?» Тот возразил: «Я не знаю, почтенные, кто вы». — «Да? — сказал вельможа, явно издеваясь. — А мне издали показалось, будто бредет заблудившийся осел». — «А мне показалось, — ответил старик, — будто идут люди». — «За твои дерзкие слова, — вспыхнул вельможа, — тебе следует вырвать язык!» — «Подобное не новость в моей стране», — с горечью ответил старик. «Кто ты, странник, и откуда?» — вмешался Тимур. «Я — Хафиз из

Шираза», — просто ответил тот. «Ах, значит, это ты — тот самый поэт, что готов отдать мои города Самарканд и Бухару за черную родинку турчанки?» — «Черная родинка стоит того...» — «Я властелин половины мира — и то не могу позволить себе делать такие подарки!» — сказал Тимур. «А я могу, оттого я так беден», — заключил старик.

Широко расставив руки, Аббас шел прямо на дерево, росшее посреди поляны. Никто не крикнул ему «жарко!», и он ударился лбом о низко нависший сук. Застыл от боли, прижав ушибленное место ладонью. Стянул с глаз повязку. Яркий свет дня поначалу ослепил. Поплыли радужные пятна, сквозь них едва проступали искаженные очертания предметов. Наконец мир обрел четкие линии, и тут Аббас не поверил своим глазам: в нескольких шагах от него Шавкат обнимал Наиму, пытался поцеловать, она отворачивала лицо и вроде бы пыталась вырваться — но не вырывалась.

Аббас снова надвинул повязку на глаза. Болел ушибленный лоб.

— Эй, вы там! — весело крикнул он. — Подайте голос! А за мою шишку — еще ответите!

— Ку-ку! — позвал сбоку Шавкат.

— Условились ведь — предупреждать об опасности, кричать «жарко!», — с деланной обидой пробурчал Аббас, снимая с глаз повязку. — Видели же, что иду на таран, — так даже не пикнули! — Он потрогал лоб.

— До свадьбы заживет! — успокоил Шавкат.

— Нужно приложить холодное. — Наима плеснула минеральной воды из бутылки на полотенце и подошла к Аббасу.

— Не стоит... — Аббас отстранил ее руку. — И правда, до свадьбы заживет. Ерунда.

Невдалеке прогрохотало. Все подняли головы — вершины гор были закрыты низкими тяжелыми тучами.

— Скоро польет, — объяснил Шавкат. — К вечеру здесь всегда так.

Пока собирались, вывели машину на дорогу, уже сыпались крупные редкие капли. Небо почернело, налетавшие порывы ветра гнули кустарники, трепали листву деревьев. Асфальт на глазах потемнел.

Шавкат вышел из машины, чтобы поставить «дворники».

Аббас и Наима сидели сзади, мирно беседовали; Аббас решил держаться как ни в чем не бывало — до города. А в городе столько дел — трудно бывает выбрать время для встречи...

«Жигули» легко, бесшумно, словно скользя, шли под уклон. Бойко ходили «дворники», плясали брызги на капоте, сверху барабанило по крыше. Недалеко вспыхивал раскаленный зигзаг молнии, следом, сотрясая горы, обрушивался шквал грома.

Шавкат упивался ездой, доволен был поездкой, доволен собой. Машина шла под уклон все быстрее, словно удирая от грозových раскатов и огненных змей, визжали покрышки на поворотах.

Шоссе было пусто, лишь изредка навстречу попадались грузовики, с завыванием медленно ползли на подъем.

Все произошло мгновенно.

Всплеск молнии осветил крутой поворот впереди, Шавкат нажал на тормоз, машину занесло. Разлетелись сбитые белые придорожные столбики, машина перевернулась, на крыше съехала по щепню невысокого склона и застыла колесами вверх. Лишь распахнувшаяся передняя дверца покачивалась со скрипом. От мотора поднимался пар. И неистовствовала гроза, эхо множило удары грома, мир в сине-белых вспышках молний высвечивался на секунду черно-белым, словно проявленный негатив.

Через минуту из перевернувшейся машины выползла Наима, села тут же на землю и, оглушенная, бессмысленно оглядывалась вокруг, после шока не понимая, что именно произошло. Косыми струями хлестал дождь, но она и дождя не замечала.

Стекло задней дверцы вылетело, на его месте зияла дыра. В дыре показалась нога в ботинке, затем вторая. Выполз Аббас. Поднялся, постоял с минуту, ошарашенный внезапностью несчастья, коснулся ладонью лица, отнял ее — увидел кровь и подставил ладонь струям дождя.

Постепенно он начал соображать.

Заглянул в машину — пусто. Услышал стон, обернулся — и разглядел сидящую прямо на земле Наиму. Прихрамывая, направился к ней.

— Жива? Цела? — стал ощупывать плечи, голову, руки.

Взгляд Наимы сделался осмысленным — она пришла в себя.

— Кажется, жива... Плечо болит... А ты сам?

— Нога... Но, в общем, цел. А Шавкат где?

— Не знаю...

Аббас еще раз осмотрел внутренность машины — там никого не было. В отчаянии изо всех сил толкнул машину, пытаясь перевернуть, но она лишь покачнулась. Растерянно и беспомощно огляделся — и тут-то при очередной вспышке молнии заметил Шавката.

Шавкат ничком лежал выше по склону, ближе к дороге. Куртка на спине была порвана, при следующем всполохе молний видно сделалось раненое место под лопаткой — кровь там смешивалась с дождем.

— Шавкат! Ты слышишь меня? — кричал Аббас, переворачивая его вверх лицом. — Ты жив? Ответь мне!

Шавкат застонал и приоткрыл глаза.

— Наима, сюда скорее! — позвал Аббас.

Девушка, держась левой рукой за ушибленное правое плечо, приблизилась.

— Он жив?

— Жив, жив! — успокоил Аббас. — Шавкат, сможешь подняться?

Шавкат ответил стоном.

— Помоги! — скомандовал Аббас девушке и подхватил Шавката под руку, Наима — под другую.

Попробовали приподнять — Шавкат застонал: пришлось опять опустить его на землю. В грозовой полумгле видно было, как струи дождя секут его по лицу.

Аббас ощупывал его, пытаясь понять, где еще могут быть раны. Поднял голову, обернулся к Наиме:

— Похоже, нога сломана. Все же нельзя оставаться здесь. Давай попробуем вместе поднять его — понесу на спине к шоссе.

— Но ведь надо сначала перевязать... — трезво напомнила Наима.

— Да, конечно. Посмотри, там в машине у заднего стекла было свернутое полотенце и аптечка, кажется, была.

Аббас разорвал по шву штанину на раненой ноге Шавката, а Наима и вправду отыскала полотенце.

— Беги теперь на дорогу, останавливай первую же машину! — скомандовал Аббас.

Наима поднялась к шоссе, Аббас остался с другом.

Сверху, со стороны перевала, показалась машина — далеко видны были фары. Наима, стоя на обочине, подняла руку, но машина — «Москвич»-фургон — пролетела мимо.

Сгорбившись, осторожно переступая, Аббас медленно поднимался по откосу среди камней и булькающих селевых ручейков, на спине нес Шавката. Дождь не унимался, нещадно хлестал злыми холодными струями.

Видно, от боли Шавкат очнулся, вспомнил, где он, с кем и что случилось.

— Слушай, Аббас...— со стоном выговорил он.— Брось меня, оставь. Я — дерьмо... Ты не знаешь, какое я дерьмо!

— Молчи уж! Нашел когда объясняться...— пробурчал Аббас.

— Аббас! — умоляюще закричала сверху Наима.— Не остановилась машина, не захотели!..

Аббас зло сверкнул белками глаз.

— Хоть ложись поперек дороги, а останови! — и тихо выругался.

Напуганная его криком, Наима вернулась на шоссе.

Снизу, натужно ревя, поднимался грузовик. Высвечивал фарами косые струи дождя. Наима выбежала на середину дороги, опустила в свете фар на колени и с бесстрашием отчаяния протянула руки навстречу машине.

Аббас, выбиваясь из сил, поднялся по склону и, не опуская Шавката на землю, чтобы лишний раз не причинить боль, стоял на обочине.

Грузовик затормозил.

Наима вскочила на ноги и бросилась к кабине. Умоляюще подняв лицо к оконцу, ждала, пока водитель неторопливо, явно нехотя опускал стекло.

— Что случилось? — слышался наконец хрипловатый голос шофера.

Аббас с Шавкатом на спине вышел на середину дороги, чтобы не дать машине уехать. Наима метнула на него растерянный взгляд — ей вдруг пришло в голову, что неизвестно еще, как поймет ее просьбу водитель, что подумает о ней. Так боялась испортить дело, что ничего лучшего не нашла в ответ на вопрос водителя как поздороваться.

Тот буркнул что-то и выжидательно замолчал.

— Понимаете... Случилась беда...

— Чего уж тут не понимать...— хрипло ответил шофер.

— У нас перевернулась машина...— жалобно, умоляющим тоном объясняла девушка.— Водитель... он хозяин машины...— сильно пострадал... вон мой муж его держит...— Ей казалось, что невинное вранье придаст большую убедительность ее рассказу. Шофер, конечно, видел: посреди дороги, широко расставив ноги, ожидал помощи

человек — на спине держал раненого, у того безжизненно свисали руки, с них под ливнем струями стекала вода.— Кажется, он потерял много крови. Помогите, пожалуйста, отвезите в больницу. Пожалуйста, не откажите...

— У меня полон кузов баранов.— Видно было, что шофер грузовика не хотел связываться, возиться с пострадавшими.— На горное пастбище везу, и так уже из-за дождя опоздал. Засветло надо было пройти перевал. Да и кабина занята — жена с маленьким ребенком сидит. Не могу же их из-за вас на дороге в такой ливень оставить!

— Да, конечно...— Наима растерянно отступила.

— О чем болтаешь, Душан! — послышался в кабине сердитый женский голос.— Как не стыдно, а! Может, там человек умирает.— И уже спокойнее распорядилась: — Достань брезент, подожду на обочине, авось не растаю. Отвезешь их вниз, к больнице, и возвращайся за мной.

— Ладно! — явно обрадовавшись разрешению жены, водитель открыл дверцу, стал на подножку.— Давайте ваших в кабину. Сейчас брезент достану...— и полез в кузов.

Наима бросилась к Аббасу — сказать, что все устраивается, но тот даже не ответил ей.

А тем временем шофер, ежась под струями дождя, соорудил из шестов треногу, сверху накиннул брезент — образовалась небольшая палатка. Поставил туда какой-то ящик, чтобы можно было сидеть, снял с подножки жену с грудным ребенком, устроил их под брезентом. Наима в полутьме не успела хорошо разглядеть женщину — лишь заметила мягкий овал лица, узкие глаза.

Аббас с помощью Наимы пытался поднять Шавката на сиденье, но тот потерял сознание, тело его обмякло, отяжелело. Мешал дождь — струился по волосам, по лицу, заливал глаза. Руки у Аббаса были заняты, он встряхивал головой, щурился. Наима хотела было вытереть ему лицо ладонью, но Аббас резко отстранился, раздраженно бросил:

— Не мешай!

Подошел шофер. Вдвоем с Аббасом они с трудом устроили Шавката на сиденье. Аббас сел рядом, держал его, чтоб не сполз на пол. Наиме сказал:

— Посиди пока с хозяйкой.

— Нет! — отказалась Наима, задетая его резкостью.— Я здесь не останусь.

— В кабину вы, девушка, не поместитесь,— объяснил водитель.— А в кузове — бараны. Оставайтесь!

— Ничего! — упрямо возразила Наима. — Поеду с баранами. Теплее будет.

Водитель с Аббасом переглянулись.

— Ладно, — сказал Аббас. — Не будем терять время. Садись в кабину, придерживай Шавката, а я полезу к баранам.

— Ничего! — стояла на своем Наима. На Аббаса она не глядела. — Никогда не ездила в кузове, даже интересно.

Она начала было подниматься в кузов, стала на колесо, но Аббас силой стащил ее вниз.

— Довольно ломаться! — бросил он, сдерживая гнев. — Делай как тебе говорят! — и подтолкнул девушку к кабине. Обернулся к водителю: — Поехали! — подтянулся, запрыгнул в кузов, там задвигались, заблеяли встревоженные бараны.

Женщина из-под брезента молча смотрела на них, ребенок сосал грудь.

Машина развернулась на шоссе и осторожно пошла вниз. Красный огонек еще маячил какое-то время сквозь пелену дождя, потом пропал.

Жара. Озеро неподалеку от города. Совсем небольшое — прошла моторная лодка и раскачала его, побежали волны — маленький шторм. Волны накатывались с шипением на ровный песчаный берег с тентами, грибами и скамейками, с загорающими купальщиками, по какой-либо причине отдавшими предпочтение этому пляжу перед побережьем Черного моря или Иссык-Куля.

Покачиваясь на волнах, к берегу приближался Аббас. В тени под цветастым тентом с бахромой его ожидала Наима — в модных темных очках и экстравагантно-скудном купальнике, картинно подогнула длинные красивые ноги. Брала из пакета и ела вишни, косточкой, зажав в пальцах, стреляла в сторону подплывающего Аббаса.

Он вылез из воды, весь в сверкающих брызгах, освеженный, блаженно растянулся на песке под солнцем, руки раскинул в стороны. Помолчал. Потом спросил, не меняя позы, как будто даже лениво:

— Слушай... Помнишь, как мы в первый раз встретились?

Наима быстро взглянула на него, перевела взгляд на озеро.

— Помню. А что?

— Ты тогда еще сказала, что плохо подумала обо мне.

— Ну какое это сейчас имеет значение?

— И все же... Что ты имела в виду, когда так говорила?

Аббас лежал ничком, выражения его глаз Наима не могла разглядеть, но в голосе услышала нотку затаенной обиды.

— Стоит ли ворошить воспоминания? Тем более, что все твои планы осуществились. И я не жалею. Сразу приняла правила игры. Хотя вначале я и вправду дурно думала о тебе.

— Ну да, тебе со стороны, конечно, виднее. Ты же психолог, а? А я вот не могу жить спокойно — все время помню, что какие-то изъяны в моем поведении тебя шокируют.

— Психологи тоже иногда ошибаются.

— Выходит, все то дурное во мне, что ты видела, оказалось твоей выдумкой, так? — Аббас сел на песке, смеясь, глянул на девушку. — Получается, я безупречен, а?

Наима смешалась.

— Ну... пожалуй. Если б я думала иначе и не рассталась с тобой — кем бы я была...

— И все же — что ты тогда подумала?

— Ну, раз ты так хочешь... Помнишь, мы еще до того, как заговорили, довольно часто оказывались рядом на задней площадке троллейбуса, и я всегда чувствовала на себе твой взгляд. Я, конечно, тоже обращала на тебя внимание, тем более что встречавшиеся по дороге студенты относились к тебе подчеркнуто уважительно. И вот однажды в троллейбус вошел пожилой человек, седой и благообразный, и ты с ним поздоровался прямо-таки подобострастно. Он прошел вперед, сел на свободное место, а ты с него глаз не спускал, обо мне и думать забыл. Я, конечно, сразу поняла, что тот седой человек — какое-то светило в науке или большое начальство и от него зависит твоя карьера. Ты даже не заметил, когда я вышла из троллейбуса. Все это напомнило мне историю, которую я слышала от отца. Один актер, играя на сцене Гамлета, не упустил случая поклониться во время действия сидевшему в первом ряду представителю министерства.

— Не твоему ли отцу, а?

— Может, и ему. Не в этом дело.

— Та-ак! — Аббас с наигранным гневом развел руками. — Что же получается? Все было подстроено, спланировано заранее! Молодой ученый-карьерист пронюхал, что загадочная незнакомка с девятого маршрута не только хороша собой, но и обладает рядом еще более существен-

ных достоинств, а именно — имеет высокопоставленного папочку с персональной машиной и прочим. Так почему бы не заморочить голову юной наивной дочери, не войти к папочке в доверие, не пораскидать с его помощью всех своих врагов, не сделать блестящую ученую карьеру, а потом не пожинать сладкие плоды своего усердия, а? Тривиально, но не лишено, так сказать, не правда ли?

— Не лишено, конечно... Только вот высокопоставленный папа умер два года назад.

— Ну, знаешь! Хочешь не хочешь, а я вынужден вздохнуть с облегчением.

— Вот негодяй! — Наима шутливо замахнулась.

— Нет, я в том смысле, что тривиальный сценарий нам не подходит. Поищем что-нибудь поинтереснее.

Наима опустила занесенную руку и поцеловала Аббаса.

Ливень прекратился — в воздухе висела мелкая водяная пыль.

Грузовик остановился у одноэтажного здания то ли районной, то ли совхозной больницы. Темная улица была пустынна, асфальт мокро поблескивал под редкими фонарями.

Аббас спрыгнул наземь, взбежал по бетонным ступенькам, рванул дверь — та не поддалась, забарабанил в ближнее окошко: там за занавеской светилась лампа.

Девушка в белой косынке отодвинула занавеску, взгляделась в полумрак улицы. Увидев Аббаса и машину, кивнула ему и побежала к двери.

На мокрый асфальт лег прямоугольник света — девушка стояла в дверях, за ее спиной в углу Аббас увидел брезентовые носилки.

Наима, поддерживая голову Шавката, мокрым платком смачивала его воспаленные губы. Он стонал, мотал головой, бредил.

Аббас вдвоем с водителем уложили Шавката на носилки, внесли в здание.

Наима постояла в растерянности возле машины, потом двинулась следом. Когда она вошла в приемный покой, там Аббас и водитель осторожно перекладывали Шавката с носилок на кушетку. Рядом стоял, видно, дежурный врач — высокий мужчина в белом халате и докторской шапочке.

Медсестра, встретившая их, появилась с никелиро-

ванной коробкой со шприцами, поставила ее на столик и открыла дверцу шкафчика с медикаментами.

Шавкат, побелевший, наверное, от потери крови, все не приходил в себя, бредил.

Врач пощупал пульс и молча стал мыть руки над раковиной. Вытер вафельным полотенцем, расстегнул рубашку на груди Шавката, стал выслушивать его фонендоскопом.

— Сердце плохо работает. Большая потеря крови, — сказал он Аббасу, и тот растерянно кивнул. Врач обернулся к медсестре: — Поторопитесь.

— У меня все готово, — отозвалась девушка. Попросила Аббаса: — Засучите ему рукав.

Сделала укол и, не вынимая иглы, ввела еще сердечное. Врач осмотрел перелом на ноге и опять пошел к раковине мыть руки.

— Обработайте рану на спине — и в операционную, — распорядился, обращаясь к медсестре. — Будем накладывать шины.

— Сейчас... — девушка снова принялась возиться с лекарствами и бинтами. Потом открыла двустворчатую дверь в соседнее помещение и включила там свет. Посреди просторной комнаты под лампой белел операционный стол.

Аббас невольно поморщился и отвернулся. Увидел Наиму — стояла у входной двери, прислонившись к косяку. Вид у нее был жалкий — измученный и виноватый.

Кашлянул, напоминая о себе, ожидавший в коридоре шофер грузовика.

Аббас шагнул к нему.

— Извините, мы о вас забыли... — он дружески коснулся плеча водителя.

— Если я не нужен, так поеду? — виноватым голосом спросил тот.

— Конечно. Ваша жена там заждалась уже, беспокоится.

— Дождь перестал, могут появиться волки. Торопиться надо.

— Конечно... — Аббас полез в карман.

Водитель остановил его:

— Не обижайте! — и посмотрел укоризненно.

Они пожали друг другу руки, и шофер побежал к своему грузовику, где в кузове блеяли бараны.

— Пусть ваш дружок поправляется! — крикнул на прощанье водитель, и машина ушла.

Наконец врач вернулся из операционной. Аббас и Наима, все это время молча сидевшие на кушетке, поднялись.

— Шину наложили,— сказал врач.— У него и ребро сломано.

— Сознание вернулось? — с надеждой спросил Аббас.

— Нет пока. Много крови потерял.— Врач посмотрел в окно.— А машина здесь?

— Нет, а что? Зачем машина? — Аббас не на шутку встревожился.

— Ему нужна кровь. У нас нет. Придется искать машину, везти его в Ангрэн — чем скорее, тем лучше. Мы сделали все, что могли. Но крови здесь нет.

— А далеко отсюда до Ангрена? — растерянно спросил Аббас.

Наима напряженно следила за разговором.

— Двадцать километров.

— А не опасно его везти?

Врач пожал плечами.

— Другого выхода я не вижу. Ему нужно переливание.

— Так возьмите у меня! — предложил Аббас.

— И у меня! — поддержала его Наима.

— Для этого нужно знать группу крови, а у нас нет такой аппаратуры.

— Я свою знаю,— торопливо объяснил Аббас.— Студентом был донором. Первая группа.

— А у вас? — врач повернулся к Наиме.

— Не знаю...— растерянно ответила она.

— М-да... У вашего товарища есть с собой документы?

— Сейчас...— Аббас бросился к стулу, где сложена была одежда Шавката.— Вот, посмотрите.

— Так. Это водительские права,— врач вернул книжечку Аббасу.— Паспорт...— Он перелистал странички, Аббас и Наима следили, не отрывая глаз.— Он что, недавно был за границей?

— Да, он врач,— пояснил Аббас.

— Будем считать, что ему хоть в этом повезло — у него тоже первая группа.

Аббас и Наима с облегчением переглянулись.

— Только учтите,— врач изучающе глянул на Аббаса,— крови потребуется много, не меньше литра. Так что решайте сами.

— Решать тут нечего. Куда мне ложиться? — Аббас уже стаскивал пиджак.

— Гуля! — позвал доктор. Из операционной появилась сестра.— Как он там?

— По-прежнему. Сознания нет.

— Уложите товарища на каталке рядом с больным. Будем делать прямое переливание.— Обернулся к Аббасу, мягко пригласил: — Зайдите, пожалуйста.

Медсестра отворила дверь, все скрылись в операционной.

Найма сидела на кушетке в одиночестве и смотрела на дверь, не зная, куда девать себя.

Грузовик с баранами в кузове затормозил возле палатки на треноге, оставленной на подъеме к перевалу. Шофер соскочил с подножки, подбежал, откинул край брезента. Внутри, съжившись от холода и прижав к груди ребенка, дремала молодая женщина.

— Айгуль...— тихонько позвал шофер, и та открыла глаза.— Как вы тут без меня? Волков не было?

— Да нет вроде...— Женщина вылезла из-под брезента, огляделась.— Немного страшно, правда, было — вон в той стороне на склоне загорелось дерево. От молнии, наверное. Смотреть жутко было. Но огонь, я думаю, отпугнул волков.

Оба поглядели в сторону склона — там еще тлело, вспыхивали огоньки.

Муж стал собирать палатку, жена с ребенком поднялась в кабину. Перед тем как ехать, она спохватилась:

— Да, а как тот человек, которого ты повез? Он жив?

— Жив, только еще не пришел в себя. Может, сейчас ему уже лучше...

Машина медленно пошла вверх по шоссе.

На операционном столе лежал Шавкат. Сознание еще не возвращалось.

Рядом на каталке — Аббас. Их разделял — и соединял — аппарат для переливания крови: в прозрачной стеклянной емкости то чуть поднималась, то опадала несущая Шавкату жизнь кровь Аббаса. Гуля была здесь же, следила за ходом операции.

Подошел врач, осмотрел Шавката, выслушал сердце, потом выслушал сердце Аббаса. Спросил, в голосе доброта:

— Как вы себя чувствуете? Голова не кружится?

Аббас качнул головой — нет, мол.

— Гуля, сколько?

— Шестьсот.

— Если почувствуете, что потолок валится, позовите, договорились? — предупредил врач.

Аббас кивнул и слабо улыбнулся.

Наима сидела все там же, на кушетке, сиротливо вжалась в угол. Лицо бледное, глаза тусклые. Иногда она вздрагивала от холода — одежда ее еще не успела просохнуть. Она бы все отдала за то, чтобы очутиться сейчас дома, в теплой постели, чтобы не было этой крови и стонов, этого ливня, этой поездки, дурацкого пикника, начавшегося так легко и празднично и закончившегося так ужасно. Она жалела, что поехала, что дружила с Аббасом, знакома была с Шавкатом, что преданность одного и ухаживания второго создавали для нее иллюзию уверенного победительного счастья, пира жизни, где она была героиней. Сейчас словно пелена пала с глаз, увидела себя со стороны — и хотелось убежать, спрятаться, забыть, вычеркнуть. Она бы и убежала, да куда — ночью. И право, неловко ведь оставлять в таком беспомощном положении своих друзей. Бывших, конечно, уже можно сказать, друзей. Однако приходилось ждать — неясно ведь, чем все кончится.

Она сидела, забившись в угол, и не знала, что делать. Здесь она не нужна была никому, она понимала.

Из коридора доносилось шарканье шагов, звяканье рукомоЙника. Послышался далекий, приглушенный дверью стон.

Из операционной вышла сестра, сняла халат, надела голубой плащик.

— Как там? — робко подала голос Наима.

— Неплохо... — успокоила Гуля. — Вы не волнуйтесь. Я сейчас вернусь. — И побежала на улицу.

Наима не могла больше сидеть без движения. Встала, чуть приоткрыла дверь операционной, глянула в щель. Увидела Аббаса и Шавката, рядом — врача. В нерешительности вернулась на место. Задумалась.

Как же все это началось, что теперь она сидит здесь в углу, не имеет ни на что права и не может требовать к себе уважения? Ведь сначала с Аббасом у нее все складывалось так хорошо, легко, и предыдущие разочарования казались случайностью, пустяком. От подчеркнутого лестного внимания подающего надежды ученого, что вызы-

вало зависть подруг, от возможности выбора, от ощущения постоянного, навсегда, успеха кружилась голова, не хотелось ни о чем думать...

Теплый весенний вечер. Освещенные окна. Огни фонарей, огни реклам отражаются на мокром асфальте, стеклах витрин, блестящих капотах автомобилей.

Возле сквера, где обычно встречаются Наима и Аббас, затормозил «жигуленок», вышел Шавкат — оживленный, по моде одетый: светлые вельветовые брюки и кроссовки, светлая же рубашка с красно-синей полосой наискосок, голубая курточка, дымчатые очки «феррари».

Наима с удивлением и некоторым замешательством смотрела со скамьи, однако навстречу не встала.

— Добрый вечер! — Шавкат галантно поцеловал ей руку и продолжал держать в своей, не торопился отпустить.

— Добрый вечер, — откликнулась Наима. — Однако что-то не припоминаю, чтоб я назначала вам свидание.

— Долг дружбы! — Шавкат картинно развел руками. — Приходится заменить товарища. Дублер, так сказать.

— Говорят, всякая копия хуже оригинала, — колко заметила Наима.

— Это еще требует доказательств.

— И кто же их должен представить?

— Ну, не оригинал, конечно.

— Это, между прочим, тоже требует доказательств. — Оба посмеялись. — А где же потерялся оригинал?

— Грызет гранит науки. Завтра научная конференция, и ему поручено выступить с сообщением. Так что бедняга пыхтит над рукописью, а вы на сегодняшний вечер обречены терпеть мое общество.

— Обречена? Хотите сказать — вам нужно занять мной ваше свободное время? — с легкой издевкой спросила девушка.

— Свободного времени у меня не бывает. Но ради друга пойдешь и не на такое... Тем более что ваше общество мне, откровенно скажу, весьма приятно.

Наима смотрела изучающе, но и не без интереса.

— Признавайтесь-ка честно: Аббас и вправду просил вас заменить его на сегодняшний вечер?

Шавкат почувствовал опасность и отступил:

— Нет, конечно. Он лишь просил извиниться за него и передать, что срочное задание научного руководителя вынуждает его провести вечер за письменным столом. Но раз уж судьба в лице научного руководителя распорядилась, чтобы мы встретились в такой прекрасный вечер, так почему бы нам не поболтать за бокалом шампанского где-нибудь в хорошем месте — хоть в ресторане, хоть у меня дома. Послушали бы музыку, есть хорошие записи.

— А как расценит такое приглашение ваш друг? — с усмешкой осведомилась Наима.

— Ну... он же человек широких взглядов,— не растерялся Шавкат.

— Так-так... Значит, нашли дурочку, которой легко можно вскружить голову, а? — насмешничала Наима.

— Ну вот... Так я и знал, что неверно истолкуете... а я ведь из лучших побуждений!

— Отвезите-ка меня домой,— уже серьезно сказала Наима и поднялась.

Они пошли по аллее к машине.

— Сегодня был суд,— грустно, однако и с ноткой торжества в голосе объявил Шавкат.

— Что еще за суд?

— Я наконец-то получил развод. Конечно, и выплату алиментов в придачу.

— Не знаю, как принято в таких случаях — поздравлять или выражать сочувствие? Сожалеть...

— Сожалеть не о чем. Как говорится, что бы ни делалось, все к лучшему.

— Что значит — не о чем? Если разлюбили друг друга — и это к лучшему, получается?

— А...— Шавкат в раздражении махнул рукой.— Какая там любовь!

— Не понимаю, зачем же тогда надо было жениться?

— Молодость, глупость,— без сожаления сообщил Шавкат.— Связался с одной, ну и влип. Она забеременела — пришлось вести ее в загс, иначе горела длительная командировка за границу. В общем-то, баба она внешне ничего, красивая, но тупая до того — аж выть хочется. Прожил я с ней кое-как около двух месяцев и уехал работать за границу. Вернулся — девочке полтора годика, уже бегают, «папа» говорит. Пытался смириться, устроить жизнь — ничего не получилось. Оставил жене квартиру, себе забрал машину.

Мчались по городу новенькие «Жигули», по блестящему капоту, причудливо растягиваясь и сужаясь, скользили разноцветные огни улицы. В машине Шавкат рассказывал Наиме о несправедливости судьбы.

В операционной врач закончил переливание крови.

— Кружится? (Аббас в ответ качнул головой: нет, мол.) Теперь — в палату. Идти сможете?

Аббас с усилием приподнялся. Врач взял его под мышки, помог. Вдвоем, медленно переступая, прошли по коридорчику. В палате врач откинул на койке одеяло, помог Аббасу лечь — у того на лбу выступили капельки пота.

— Постарайтесь пока не засыпать, сейчас Гуля принесет вам горячего чаю.

— Я знаю, — едва слышно вымолвил Аббас. — Не впервой.

— Ах да, вы же были донором, верно. Гуля сейчас придет. Я пока побуду с вашим другом. Отдыхайте.

Глаза Аббаса неудержимо слипались, он засыпал, но в это время в палату вошла медсестра, принесла горячий сладкий чай в термосе.

— Подкрепитесь, а потом спите. (Аббас открыл глаза.) Вашему другу лучше.

Аббас с трудом приподнялся, взял стакан.

— Спасибо, сестра. — Он отхлебнул глоток, другой. — У меня к вам просьба. Там, в приемной, девушка. Она еще ждет?

— Да, сидит.

— Она промокла насквозь. Не сочтите за труд...

— Не волнуйтесь, мы о ней позаботимся.

Аббас, слабый, как грудной ребенок, то засыпал, то просыпался, отпивал глоток чая и опять проваливался в забытье.

Показалось солнце. На омытых дождем деревьях и цветах весело сверкали под голубым небом невысохшие капли, от земли поднимался пар.

В палате районной больницы крепко спал Аббас. На соседней койке спал Шавкат. Он осунулся, но грудь вздымалась ровно, сон был спокойным. Возле коек, укутавшись в больничный халат, на стуле дремала Наима. Когда в коридоре послышались голоса, открыла глаза.

Вышла на больничное крыльцо — увидела поселок, пустая улица, лишь стайка ребятишек в красных галстуках спешила, видно, в школу. Проехал грузовой мотороллер, в низком кузове позвякивали молочные бутылки. Молодая женщина вела за руку малыша, тот капризничал.

Наима, оставив в приемной халат, спустилась с крыльца и пошла по мокрому асфальту, обходя лужи в выбоинах. Не торопилась. Навстречу попался человек в спецовке; спросила, где останавливается автобус. Тот показал. Ее догоняла машина — тот самый «Москвич»-фургон, что не остановился вчера на шоссе. Она подняла руку, водитель затормозил, распахнул дверцу. Она села, и машина, разбрызгивая лужи, укатила.